

E18-792

КЪ РЕФОРМЪ НАШИХЪ
УНИВЕРСИТЕТОВЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Воейкова. Бассейная 3.
1906.

Е18 -
792
К

Тихомиров, Александр Андреевич.

КЪ РЕФОРМЪ НАШИХЪ

УНИВЕРСИТЕТОВЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Воейкова. Басейная, 3.
1906.

Госуд. публичная
историческая
библиотека РСФСР
№ 23.877 1969 г.

Къ реформѣ нашихъ университетовъ.

Печальную сторону нашей государственной жизни несомнѣнно составляет то, что къ народному просвѣщенію у насъ всегда относились мало внимательно, если не сказать прямо, небрежно. Не мало наивныхъ людей находятъ своего рода утѣшеніе въ томъ, что и здѣсь будто бы виновато правительство. Ненасправимъ русскій человѣкъ: у него всегда виновать кто-нибудь, да не онъ. Мудрая поговорка гласитъ: по „Сенькѣ и шапка“. Если бы типы Простаковой и Митрофана не находились у насъ и по сіе время въ полномъ расцвѣтѣ, то и отношеніе правительства къ дѣлу народнаго просвѣщенія было бы несомнѣнно иное и бюджетъ министерства народнаго просвѣщенія не составлялъ бы, какъ это имѣетъ мѣсто нынѣ, всего около 2 проц. нашего двухмилліарднаго государственнаго бюджета.

Какъ бы то ни было, недостаточно внимательное отношеніе правительства къ дѣлу народнаго просвѣщенія породило даже легенду о томъ, что правительство созна-

тельно идти на то, чтобы держать население, насколько то возможно, въ темнотѣ. Всякій, конечно, пойметъ, что только въ странѣ фонъ-Визинскихъ недорослей могла составить столь остроумная легенда и что только въ такой странѣ могло найтись между профессорами и студентами достаточное количество добровольцевъ, словомъ и дѣломъ, содѣйствовавшихъ въ революціонныхъ цѣляхъ закрытію высшихъ учебныхъ заведеній и увлекшихъ примѣромъ своего преступнаго бездѣльничанья учащихся и учащихся средней школы.

Правительство, повидимому, отдало себѣ ясный отчетъ въ томъ, какую роль сыграли въ дѣлѣ разгрома нашей школы тѣ профессора, которые составляютъ большинство въ преподавательскихъ коллегіяхъ нашихъ высшихъ учебныхъ заведеній, и весною 1905 г. однимъ изъ пунктовъ постановленій особаго совѣщанія министровъ предупредило, что въ случаѣ возобновленія осенью 1905 г. беспорядковъ въ этихъ учебныхъ заведеніяхъ, они будутъ закрыты и преподавательскій персоналъ ихъ будетъ уволенъ. Оцѣнило ли правительство затѣмъ по достоинству своеобразный „патріотизмъ“ профессорскаго блока или руководилось какими-нибудь иными соображеніями—неизвѣстно, но только еще до наступленія указанного срока введеніемъ въ дѣйствіе временныхъ правилъ высшимъ учебнымъ заведеніямъ была дана автономія, а слѣдовательно судьба этихъ учебныхъ заведеній была передана на волю того же профессорскаго блока. Какъ и нужно было ожидать, событія показали, что послѣдній оказался

неспособнымъ ни къ какой хоть сколько-нибудь плодотворной работѣ въ дѣлѣ управленія порученными ему учебными заведеніями. Несмотря на это, назначенный министромъ народнаго просвѣщенія гр. И. И. Толстой—чѣмъ руководился при этомъ г. министръ нашъ, конечно, неизвѣстно—поспѣшилъ призвать на совѣщаніе подъ своимъ предсѣдательствомъ представителей того же профессорскаго блока (иныхъ избранныхъ большинства ожидать было нельзя) для выработки проекта новаго университетскаго устава. Нынѣ этотъ проектъ выработанъ и, какъ слышно, отпечатанный на иностранномъ языкѣ, разосланъ за границу. Удивить ли онъ З. Европу такъ же, какъ удивляютъ ее пренія въ нашей Государственной Думѣ, покажетъ будущее.

Легко догадаться впередъ изъ сказаннаго выше, что не истинные интересы просвѣщенія стояли на первомъ планѣ при составленіи названнаго проекта, и можно смѣло сказать, что если реформа осуществится на проводимыхъ въ проектѣ началахъ, то въ нашихъ университетахъ дѣло пойдетъ не только не лучше, чѣмъ шло раньше, а еще, пожалуй, пойдетъ хуже, чѣмъ оно шло въ политехническихъ институтахъ министерства финансовъ.

Въ настоящей статьѣ мы ставимъ себѣ задачей обратить вниманіе тѣхъ, кто интересуется у насъ постановкой дѣла народнаго просвѣщенія, на наиболѣе существенные пункты намѣченной проектомъ реформы нашихъ университетовъ.

Считаемъ, однако, цѣлесообразнымъ предпослать этому разсмотрѣнію отдѣльныхъ

пунктовъ проекта нѣсколько словъ о довольно быстро сближавшихъ другъ друга уставахъ русскихъ университетовъ.

Первый русскій университетъ возникъ, какъ всѣмъ хорошо извѣстно, по образцу нѣмецкихъ университетовъ. Необходимо при этомъ имѣть въ виду, что возникновеніе московскаго университета пришлось въ то время, когда въ жизни нѣмецкихъ университетовъ замѣчалось два теченія: одно вело къ возможно большей эмансипаціи отъ государственной власти, другое вело къ противоположному берегу. Въ XIX столѣтіи, когда германскіе университеты достигли своего дѣйствительно блестящаго состоянія, произошло счастливое сочетаніе указанныхъ сейчасъ, казалось, непримиримыхъ началъ. Государство, взявъ на себя заботу о матеріальномъ процвѣтаніи университетовъ, предоставило профессорскимъ коллегіямъ автономное управленіе учебнымъ дѣломъ, при чемъ оставило за собою не только управленіе матеріальной стороной дѣла, но также и дѣйствительный контроль за соответствующимъ государственнымъ интересамъ пополненіемъ состава университетскихъ преподавателей; говоря коротко, государство оставило за собою право назначенія профессоровъ. Государство отлично понимало, что не имѣетъ права, прикрываясь громкими формулами, умыть руки въ этомъ отвѣтственномъ дѣлѣ.

Къ сожалѣнію, наши университеты были все время въ какомъ-то переходномъ состояніи: для нихъ совершенно не въ отвѣтствіи ихъ дѣйствительнымъ заслугамъ или провинностямъ, а лишь въ соответ-

ствіи съ состояніемъ политическаго горизонта издавались уставы и временныя правила, то дававшіе университетамъ едва не полную автономію, то отнимавшіе ее у нихъ.

Послѣднимъ, по времени изданія, уставомъ нашихъ университетовъ былъ уставъ 1884 г. Уставъ этотъ хотя и заключалъ въ себѣ не мало ошибокъ (достаточно только вспомнить введенное имъ чудовищно неравномѣрное вознагражденіе профессоровъ—при чемъ неравномѣрность эта не имѣла въ дѣйствительности никакого отношенія ни къ таланту, ни къ трудоспособности отдѣльныхъ профессоровъ—обусловленное установленіемъ такъ наз. гонорара) былъ все же первымъ уставомъ русскихъ университетовъ, дѣйствительно обезпечивавшимъ должную полноту университетскаго преподаванія. Однако же, такъ какъ уставъ этотъ, изданный въ отмѣну устава 1863 г., при дѣйствіи котораго частью по закону, частью вслѣдствіе столь обычнаго у насъ бездѣйствія власти, профессорскія комиссіи были почти безконтрольными хозяевами университетовъ—лишилъ профессоровъ такъ нравившихся имъ автономныхъ привилегій; онъ сразу заслужилъ нерасположеніе большинства профессоровъ, которое и было всегда готово оказать всякое возможное противодѣйствіе примѣненію этого устава во всей его силѣ. Въ потакательствѣ въ этомъ отношеніи сверху недостатка, разумѣется, не было.

Въ результатѣ этого потакательства и получилось то, что за все время дѣйствія устава 1884 г. министерство народнаго

просвѣщенія не внесло ни одного дѣйствительно полезнаго для дѣла измѣненія въ отдѣльные законоположенія этого устава, но зато понемногу дезорганизовало все болѣе и болѣе жизнь нашихъ университетовъ, дѣлая уступки профессорскимъ вождѣлніямъ, направленнымъ къ опредѣленной цѣли—возстановленію во всей силѣ началъ, положенныхъ въ основу устава 1863 г., началъ, цѣнныхъ для ихъ поборниковъ не только самихъ по себѣ, но еще и потому, что возвращеніе къ этимъ началамъ обѣщало въ будущемъ удовлетвореніе и иныхъ вождѣлній.

Какъ ни печаленъ этотъ фактъ самъ по себѣ, все же необходимо отиѣтить—да это и представляется весьма естественнымъ послѣ сказаннаго выше—что большинство профессоровъ какъ университетовъ, такъ и специальныхъ высшихъ учебныхъ заведеній не преминули использовать въ желательномъ для себя направленіи смутное время нашего „освободительнаго движенія“. Достаточно въ этомъ отношеніи вспомнить и знаменитое постановленіе совѣта кіевскаго политехническаго института и знаменитую резолюцію 342 ученыхъ, положившія несомнѣнно начало разгрому нашей высшей школы.

Легко теперь понять, въ какое положеніе попали выбранные профессорскими коллегіями служители науки, приглашенные бывшимъ министромъ народнаго просвѣщенія къ составленію университетскаго устава, т. е. къ созданію законовъ для самихъ себя. Положеніе этихъ выборныхъ было безвыходное: не объ истинныхъ интересахъ просвѣщенія,

какъ уже было сказано выше, объ интересахъ партіи должны были они думать прежде всего. Такому положенію, конечно, завидовать не приходится; но что же дѣлать: tu l'â voulu!

I.

Переходя къ разсмотрѣнію отдѣльных пунктовъ намѣченной реформы, остановимся прежде всего на порядкѣ назначенія профессоровъ. Относясь къ дѣлу безпристрастно, нельзя не признать, что назначеніе профессоровъ есть несомнѣнно дѣло весьма отвѣтственное и весьма щекотливое; чѣмъ больше въ этомъ дѣлѣ дѣйствительнаго контроля, тѣмъ лучше. Поэтому разумно направленная государственная власть ни подъ какимъ предлогомъ не можетъ здѣсь ни въ чемъ поступиться своимъ естественно ей принадлежащимъ правомъ назначать профессоровъ въ государственныя учебныя заведенія. Для контроля собственныхъ дѣйствій въ данномъ случаѣ руководящій народнымъ просвѣщеніемъ органъ государственной власти (министерство) можетъ и даже долженъ спрашивать заключеніе учебнаго заведенія о кандидатахъ, но никакъ не переуступать ему своего права назначенія. Казалось бы, это такъ понятно само собой, а между тѣмъ „Проектъ устава императорскихъ русійскихъ университетовъ, выработанный совѣщаніемъ профессоровъ подъ предсѣдательствомъ министра народнаго просвѣщенія графа И. И. Толстого въ 1906 г.“ совершенно устраняетъ государственную власть отъ дѣла назначенія профессоровъ.

Въ самомъ дѣлѣ, ст. 92 проекта устава гласить: „Лица, избранныя въ совѣтъ на должность профессора, представляются на утверждение министра народнаго просвѣщенія“; въ примѣчаніи же къ этой статьѣ сказано: „Неутверждение избраннаго со стороны министра можетъ имѣть мѣсто лишь въ томъ случаѣ, если при избраніи были нарушены поставленные симъ уставомъ формальныя требованія“. Сопоставленіе текста статьи и текста примѣчанія ясно показываетъ, что составители проекта отнимаютъ въ лицѣ министра у государства право назначенія профессоровъ, хотя университетъ есть учрежденіе государственное и профессора отъ государства получаютъ и жалованье, и пенсію. Мало того, министру даже не предоставляется вовсе судить о достоинствахъ избраннаго кандидата, а предоставляется лишь предотвращать въ дѣлѣ замѣщенія вакантныхъ кафедръ такія дѣйствія коллегіальныхъ органовъ, которыя онъ найдеть незаконными. Чтобы не было никакого сомнѣнія въ этомъ, составители проекта не упустили добавить въ томъ же примѣчаніи къ ст. 92, что отказъ министра въ данномъ случаѣ долженъ быть „мотивированъ“. Укажемъ, что здѣсь составители проекта, ослѣпленные своимъ стремленіемъ сколь возможно урѣзать правительственную власть въ университетѣ, зашли прямо до смѣшнаго далеко: они забыли, что, согласно ст. 3 ихъ же проекта, „общій надзоръ за законностью дѣйствій органовъ университетскаго управленія принадлежитъ непосредственно министру народнаго просвѣщенія“. Статья эта, конечно, внесена въ проектъ для того,

чтобы указать, что попечитель учебнаго округа не имѣетъ никакой власти надъ университетомъ, но ея, однако, вручается министру власть останавливать всякое несогласное съ закономъ дѣяніе органовъ университетскаго управленія.

Такъ какъ между членами совѣщанія не было недостатка и въ юристахъ, то не остается предположить ничего иного, какъ то, что примѣчаніе къ ст. 92 внесено не по недоразумѣнію, а потому, что составители проекта не захотѣли быть вполне откровенными, не рискнули выразить прямо того, что въ дѣйствительности подразумевается, а именно: что государственная власть окончательно устраняется отъ дѣла назначенія профессоровъ, что выборъ кандидатовъ на замѣщеніе вакантныхъ кафедръ принадлежитъ исключительно самой коллегіи, что выборъ этого окончательный и что министерству представляется лишь самый актъ внесенія имени избранника въ Высочайшій приказъ о назначеніи на должность.

Такія притязанія профессоровъ на власть не могутъ не удивлять, особенно въ настоящее время. Нынѣ, контроль надъ профессорскими коллегіями на мѣстѣ еще не отмѣненъ, а только ослабленъ, и уже приходится недоумѣвать, видя тѣ прямо неожиданные промахи, которые на каждомъ шагѣ дѣлаютъ теперь профессорскіе коллегіи, получившія въ руки ту власть, которой они такъ домогались. Весьма интересенъ въ этомъ отношеніи слухъ, циркулирующій въ Петербургѣ о томъ, что профессора здѣшняго университета осенью 1905 г. сочли возможнымъ получить гонораръ, внесенный студентами, на что не

имѣли никакого права, такъ какъ семестръ никому изъ студентовъ зачтенъ быть не могъ. Если этотъ слухъ справедливъ (а сомнѣваться въ этомъ, къ сожалѣнію, едва-ли возможно), то оказывается, что профессорская коллегія совершила дѣйствіе, равное присвоенію чужой собственности и очевидно не была въ состояніи этого понять, ибо нельзя же допустить, чтобы профессора совершили беззаконіе, разсчитывая на свою безнаказанность.

Читатель, быть можетъ, подумаетъ, что составители проекта, проводя начало въ сущности вполнѣ безконтрольнаго замѣщенія самими же профессорскими коллегіями вакантныхъ кафедръ, слѣдуютъ въ этомъ отношеніи примѣру законодательства болѣе насъ просвѣщенной 3. Европы. Вовсе нѣтъ: какъ разъ наоборотъ. Такъ въ Германіи, столь справедливо гордящейся, повторяемъ, своими университетами, назначеніе профессоровъ производится правительствомъ отдѣльныхъ государствъ. За университетами при этомъ признается тамъ лишь право рекомендаціи кандидатовъ; но рекомендація эта рѣшающаго значенія для правительства вовсе не имѣетъ, и на самомъ дѣлѣ въ германскихъ университетахъ нерѣдко не только не назначается первый изъ представляемыхъ (трехъ) кандидатовъ, но не назначается ни одинъ изъ нихъ. Статистика показываетъ, что въ XIX столѣтіе число профессоровъ, назначенныхъ въ Пруссію помимо воли факультетовъ *), составило по

*) Совѣтъ, что и весьма естественно, не принимаетъ участія въ рекомендаціи.

кафедамъ богословскаго факультета 32 проц., медицинскаго 21 проц., юридическаго 20 проц. (Кстати можно здѣсь отмѣтить, что оба знаменитѣйшихъ для своего времени профессора: I. Миллеръ и Гельмгольцъ были назначены не по предложенію факультета). Въ Австріи университетамъ (какъ и другимъ учебнымъ заведеніямъ) предоставлено право предлагать для замѣщенія вакантныхъ преподавательскихъ мѣстъ трехъ кандидатовъ. Во Франціи университетамъ предоставлено право рекомендовать двухъ кандидатовъ; то же право, однако, имѣетъ тамъ по закону и постоянная коммиссія т. наз. высшаго совѣта при министерствѣ; министр можетъ однако остановить свой выборъ и на иномъ кандидатѣ. Самое назначеніе происходитъ декретомъ президента республики. Въ Италіи правительство съ особой строгостью относится къ вопросу о замѣщеніи кафедръ, при чемъ университету не предоставлено даже права рекомендаціи своихъ кандидатовъ. Кафедры замѣщаются по конкурсу, объявленному отъ имени министерства; оцѣнка же достоинства соискателей производится особой правительственной коммиссіей, составляемой министерствомъ изъ кандидатовъ, выбранныхъ соответствующими факультетами всѣхъ университетовъ и высшими (спеціальными) школами изъ числа наиболѣе извѣстныхъ своими учеными трудами въ той области, къ которой относится вакантная кафедра. Въ Голландіи университетамъ предоставлено только право рекомендаціи кандидатовъ; довести или нѣтъ до свѣдѣнія министерства объ этой рекомендаціи—зависитъ отъ воли посредствующей

между министерством и университетомъ ин-
станции (комиссіи кураторовъ).

Этихъ примѣровъ совершенно достаточно,
чтобы видѣть, что тамъ, въ 3. Европѣ, гдѣ
университеты суть государственныя учрежде-
нія, правительство не уступаетъ профессор-
скимъ коллегіямъ своего, конечно, неотъем-
лемо ему принадлежащаго права назна-
чать профессоровъ. Думается намъ, что пра-
вительство не можетъ даже дерзнуть на та-
кой отказъ отъ этого своего права; если
бы оно на это дерзнуло, оно ясно показало
бы, что не смотритъ серьезно на дѣло про-
свѣщенія и не помнитъ о своей отвѣт-
ственности предъ страной. Если даже до-
пустить, что составители проекта вовсе не
знакомы съ тѣмъ, что выработано иностран-
нымъ законодательствомъ по разсматривае-
мому вопросу, остается прямо непонятнымъ,
какъ простое чувство такта не подсказало
тѣмъ же составителямъ проекта, что имен-
но соответствующему органу государствен-
ной власти должно принадлежать послѣднее
слово при выборѣ въ принадлежащій госу-
дарству университетъ достойнаго замѣсти-
теля вакантной каѳедры. Составители же
проекта не только доходятъ до того, что
передаютъ самымъ профессорскимъ коллегі-
ямъ фактически право назначенія профес-
соровъ, но еще къ тому же и хотять изба-
вить ихъ въ этомъ дѣлѣ отъ всякаго дѣй-
ствительнаго контроля.

Нельзя же по правдѣ придавать хоть
какое-нибудь значеніе въ этомъ смыслѣ
ст. 94 проекта, гласящей, что „по дѣламъ
о замѣщеніи должностей профессоровъ все
дѣлопроизводство, включая сюда сужденіе

факультетовъ и мнѣнія, высказанныя от-
дѣльными членами факультета и совѣта въ
засѣданіяхъ сихъ установленій, а также
результаты закрытыхъ баллотировокъ, пуб-
ликуются во всеобщее свѣдѣніе“. Всякому
понятно, что при этомъ будетъ тратиться
излишне очень много казенныхъ денегъ,
такъ какъ большая часть печатаемаго та-
кимъ образомъ матеріала будетъ для об-
щаго свѣдѣнія вовсе не нужна; очень вѣ-
роятно, что какъ послѣдствіе такого опубли-
кованія матеріаловъ отъ времени до вре-
мени будетъ возникать горячая полемика;
но не только желательнаго, а прямо не-
обходимаго здѣсь нелецепріятнаго контроля
все же не будетъ.

Несомнѣнно, что система замѣщенія ка-
ѳедръ, принятая въ Германіи, representa-
ется всего болѣе цѣлесообразной. Она не
сложна и открываетъ полную возможность
дѣйствительно компетентнымъ судьямъ, т. е.
членамъ факультета, высказать свой взглядъ
по дѣлу, которое прежде всего касается
достоинства, въ широкомъ смыслѣ этого
слова, самаго факультета. Не давая фа-
культету здѣсь права окончательнаго рѣше-
нія и не впутывая безъ нужды въ дѣло
назначенія профессоровъ совѣта универси-
тета, а предоставляя право окончательнаго
рѣшенія самому правительству, германскій
законодатель мудро избавилъ факультетъ
отъ щекотливаго положенія, совѣтъ отъ
всегда возможныхъ конфликтовъ съ фа-
культетами въ дѣлѣ, гдѣ послѣдніе дѣй-
ствительно компетенты, а первый нѣтъ, пра-
вительству же указаль на его долгъ не
умывать руки въ дѣлѣ, за которое страна

въ правѣ считать правительство отвѣтственнымъ. Не должно забывать, что профессорскія collegii въ данномъ случаѣ представляютъ собою собранія заинтересованныхъ въ дѣлѣ людей со всеми своими, конечно, роду человѣческому слабостями. Если правительство позволить себѣ самоустраниться въ дѣлѣ назначенія профессоровъ, откуда же тогда ожидать защиты интересовъ просвѣщенія при всегда возможныхъ и здѣсь посягательствахъ представителей ходячихъ воззрѣній и посредственностей на носителей свѣжихъ идей и на талантъ? Обо всемъ этомъ не хотѣли подумать собранные на совѣщаніе профессора нашихъ разгромленныхъ университетовъ. Не такъ взглянуть на дѣло законодатель той страны, гдѣ университеты являются разсадниками просвѣщенія не только для своей родины, но едва-ли не для всего міра. Этотъ законодатель сумѣлъ охранить и интересы просвѣщенія, и истинное достоинство какъ профессорскихъ collegii, такъ и самаго правительства. Нельзя не согласиться съ авторомъ книги: „Германскіе университеты“, Паульсеномъ, когда онъ говоритъ слѣдующее:

„Назначеніе профессоровъ правительствомъ есть прямая необходимость. Это составляетъ право правительства: государство учреждаетъ и оплачиваетъ должности; поэтому ему и принадлежитъ право назначать на нихъ. Но такой порядокъ назначенія есть вмѣстѣ съ тѣмъ и единственно цѣлесообразный; назначеніе профессоровъ по выбору факультетовъ несомнѣнно открыло бы просторъ разнымъ вреднымъ влияніямъ,

кастовому и кружковому духу, разнымъ интригамъ и закулиснымъ влияніямъ“.

Итакъ, окончательное рѣшеніе въ дѣлѣ назначенія профессоровъ въ государственные университеты, правительство обязано брать на себя. Факультету, какъ собранію специалистовъ отдѣльнаго круга наукъ, можетъ быть, а мы бы сказали: должно быть предоставлено право рекомендаціи кандидатовъ на замѣщеніе вакантныхъ кафедръ, ибо члены факультета являются, конечно, компетентными совѣтчиками какъ въ дѣлѣ оцѣнки достоинства кандидатовъ, такъ и специально въ дѣлѣ оцѣнки потребностей факультета въ этомъ отношеніи. Осложнять дѣло рекомендаціи кандидатовъ привлеченіемъ къ нему еще и сужденій совѣта университета — нецѣлесообразная затѣя, такъ какъ среди членовъ совѣта въ данномъ случаѣ лицами дѣйствительно компетентными являются члены все того же факультета, на одну изъ кафедръ котораго и нужно рекомендовать кандидата. Затѣя эта, можно смѣло утверждать, будетъ имѣть своимъ послѣдствіемъ лишь большую вѣроятность проявленія того кастового духа и тѣхъ закулисныхъ влияній, о которыхъ и говоритъ Паульсенъ.

Въ виду сейчасъ сказаннаго представляется ужъ совершенно неумѣстной ст. 93 разсматриваемаго проекта, въ силу котораго, „если вакантная кафедра не замѣщена... въ теченіе двухъ лѣтъ, то профессоръ на эту кафедру избирается совѣтомъ баллотировкой изъ кандидатовъ, предложенныхъ членами совѣта“. Безъ сомнѣнія, проектъ

этого законоположения вызванъ лишь все тѣмъ же желаніемъ составителей не дать возможности правительству самому замѣстить каедрѣ даже въ томъ случаѣ, если факультетъ по какимъ-либо причинамъ не будетъ въ состояніи найти кандидата, въ пользу котораго могъ бы высказаться. По существу, повторяемъ, статья эта по своей нецѣлесообразности никакой критикѣ не подлежитъ.

Остается теперь сдѣлать еще нѣсколько второстепенныхъ замѣчаній по разсматриваему пункту проекта.

Проектъ вводитъ вмѣсто двухъ нынѣ существующихъ высшихъ ученыхъ степеней всего одну *): степень доктора и устанавливаетъ для всѣхъ трехъ категорій штатныхъ преподавателей университета — профессоръ старшаго олада, профессоръ младшаго олада и доцентовъ — одинъ и тотъ же ученый цензъ: обладаніе названной степенью.

Мы не находимъ нужнымъ входить въ подробное разсмотрѣніе этихъ, какъ намъ представляется, вовсе необдуманныхъ нововведеній.

Въ самомъ дѣлѣ, если, напримѣръ, профессора старшаго и младшаго олада въ своихъ правахъ ничѣмъ, кромѣ размѣра жалованья, другъ отъ друга не отличаются

*) Въ сущности говоря, проектъ отмѣняетъ на трехъ факультетахъ (историко-филологическомъ, физико-математическомъ и юридическомъ) вторую высшую ученую степень и переименовываетъ въ степень доктора нѣтъхъ же факультетахъ степень магистра. Насколько это цѣлесообразно — объ этомъ будемъ говорить ниже.

(достаточно въ этомъ отношеніи указать, что ректоръ по проекту выбирается не „изъ ординарныхъ“, а вообще „изъ профессоровъ“—ст. 20), то зачѣмъ же устанавливать эти два наименованія? Сомнительной представляется также цѣлесообразность установленія особой категоріи штатныхъ преподавателей—доцентовъ, которые для своего назначенія должны обладать тѣмъ же цензомъ, а между тѣмъ не только подлежатъ инымъ условіямъ назначенія, но въ то же время еще ограничиваются весьма значительно въ своихъ правахъ. Утвержденіе въ должности доцента (ст. 99) лица, избраннаго въ факультетъ совѣтомъ университета, т. е. назначеніе штатнаго преподавателя Императорскаго университета уже безъ всякаго участія правительства, было бы, конечно, прямой несообразностью, а посему проектъ такого законоположенія можно лишь отмѣтить; критическому разсмотрѣнію онъ, какъ само собой понятно, не подлежитъ. Заслуживаетъ уже прямо удивленія то обстоятельство, что совѣщаніе, въ которомъ принимали участіе ученые юристы, могло проектировать ст. 101, которая говоритъ, что „профессора и доценты, избранные сверхъ штатнаго состава, пользуются всѣми (!) правами штатныхъ профессоровъ и доцентовъ“. Это поистинѣ великолѣпный образчикъ того, какъ русскій челоѣкъ умѣетъ быть гуманнымъ, либеральнымъ и щедрымъ... на чужой счетъ!

II.

Посмотримъ теперь, что говоритъ проектъ о самомъ преподаваніи въ университетѣ.

Составителямъ проекта представлялось здѣсь рѣшить, несомнѣнно, два очень трудныхъ вопроса, а именно: какое среднее образованіе можно считать должной подготовкой для лицъ, поступающихъ въ университетъ? и какъ должно отвѣтить университетское преподаваніе на тѣ вполне естественные, но по существу весьма различные, запросы, которые имѣются по отношенію къ высшему образованію у молодежи, желающей дѣйствительно серьезно учиться въ университетѣ?

Сейчасъ увидимъ, что оба эти вопроса совѣщаніе оставило вовсе безъ отвѣта, и опять-таки и здѣсь позаботилось лишь объ одномъ: сдѣлать безконтрольными распорядителями и этой стороны университетской жизни все тѣ же профессорскія collegія.

Въ самомъ дѣлѣ, вотъ текстъ статьи (116), опредѣляющей условія поступленія въ университетъ лицъ, окончившихъ курсы среднихъ учебныхъ заведеній:

„Въ студенты принимаются лица, имѣющія аттестаты среднихъ учебныхъ заведеній или равносильныя имъ по опредѣленію университетовъ свидѣтельства. Совѣты университетовъ устанавливають по представленію факультетовъ и по взаимному соглашенію между собой подробныя условія пріема, а также, въ случаѣ надобности, дополнителныя требованія для лицъ, обладающихъ аттестатами или свидѣтельствами различныхъ типовъ средней школы. Дополнителныя требованія должны быть однородныя для всѣхъ университетовъ. Они утверждаются министромъ народнаго просвѣщенія“.

Конечно, было бы желательно прежде всего, чтобы проекты законовъ излагались у насъ болѣе точно и лучшимъ русскимъ языкомъ, а не такимъ, каковъ языкъ текста только-что приведенной статьи. Все же, несмотря на указанные недостатки языка разсматриваемаго законоположенія, можно догадаться, что по проекту министерство народнаго просвѣщенія устраняется отъ опредѣленія того, окончаніе какого средняго учебнаго заведенія и при какихъ условіяхъ даетъ право поступленія въ университетъ: это будутъ опредѣлять профессорскія collegія всѣхъ университетовъ по взаимному соглашенію.

Такъ какъ, конечно, нельзя ожидать, чтобы это взаимное соглашеніе могло осуществиться путемъ переписки или путемъ собранія in corpore всѣхъ профессорскихъ collegій, то нужно ожидать возникновенія своего рода автономнаго министерства народнаго просвѣщенія въ видѣ делегатскаго собранія или союза представителей профессорскихъ collegій. Очевидно, по мысли составителей проекта союзъ этотъ въ данномъ вопросѣ ничѣмъ не будетъ ограниченъ въ своихъ постановленіяхъ, ибо ему предоставляется выработать, „въ случаѣ надобности“, дополнителныя требованія для лицъ, обладающихъ аттестатами или свидѣтельствами различныхъ типовъ средней школы. Если въ концѣ статьи и сказано, что дополнителныя требованія утверждаются министромъ народнаго просвѣщенія, то очевидно, что здѣсь рѣчь идетъ не объ утвержденіи послѣ разсмотрѣнія дѣла по существу, а лишь объ ут-

верженіи чисто формальномъ готоваго постановленія, принятаго случайнымъ большинствомъ и долженствующаго этимъ путемъ стать обязательнымъ для всѣхъ университетовъ.

Итакъ, на первый изъ указанныхъ вопросовъ: каковы будутъ условія поступленія въ университетъ для лицъ, прошедшихъ курсъ средней школы? совѣщаніе профессоровъ отвѣтило, что это будетъ предоставлено усмотрѣнію профессорскихъ коллегій, или, точнѣе говоря, усмотрѣнію союза представителей этихъ коллегій. Несомнѣнно, что это отвѣтъ вполне ясный; но его всего менѣе можно назвать результатомъ плодотворной законодательной работы.

Перейдемъ теперь ко второму изъ указанныхъ выше двухъ важныхъ вопросовъ, надъ рѣшеніемъ которыхъ, по нашимъ сообщеніямъ, предстояло поработать совѣщанію подъ предсѣдательствомъ г. И. И. Толстого.

Всѣ наши университетскіе уставы смотрѣли на дѣло такъ, что лица, прошедшія курсъ университета, должны, выходя изъ него, быть людьми общеобразованными въ предѣлахъ опредѣленнаго круга наукъ. При этомъ до устава 1884 г., частью по закону, частью по традиціи, самими профессорскими коллегіямъ было предоставлено опредѣлять, какимъ требованіямъ должно удовлетворять лицо, получающее отъ университета свой дипломъ. Уставъ 1884 г. сдѣлалъ попытку установить въ этомъ отношеніи дѣйствительное наблюденіе министерства за достаточной, по его соображе-

ніямъ, полнотой университетскаго преподаванія и сдѣлалъ попытку установить государственныя испытанія. Обстоятельства не замедлили показать, что вслѣдствіе недостатка ученыхъ силъ въ странѣ, дѣйствительно государственныхъ комиссій не представилось возможности организовать. Въ результатъ этого мало-по-малу въ нашихъ университетахъ произошло возвращеніе почти-что къ прежнимъ курсовымъ экзаменамъ, съ ихъ обычными недостатками, изъ которыхъ первый—крайняя спускодность. Вслѣдствіе такого оборота дѣла, университеты наши продолжали выпускать массу молодыхъ людей, въ сущности ни къ чему не подготовленныхъ *), но (въ виду отсутствія у насъ государственныхъ испытаній на должности) считавшихъ себя въ правѣ претендовать на преимущества предъ лицами, университетскимъ дипломомъ не обладающими.

Повторяемъ, объ этомъ серьезномъ дѣлѣ слѣдовало подумать совѣщанію профессоровъ. Нельзя вѣдь себя обольщать надеждой, будто у насъ возможно организовать помимо университета спеціальныя государственныя испытанія на профессиональныя званія лицъ, окончившихъ курсъ университета. Этого мало, при современныхъ обстоятельствахъ именно университеты наши должны быть еще и спеціальными высшими школами, подготовляющими къ практической дѣятельности не только медицинской, но еще, по крайней мѣрѣ, также юридической и учи-

*) Конечно, бывали и бываютъ и здѣсь исключенія; но вѣдь рѣчь идетъ не о нихъ, а о большинствѣ, для котораго и составляются законы.

тельской—по всѣмъ предметамъ, проходящимъ въ общеобразовательной средней школѣ; вѣдь именно этой-то подготовки, а не одного только общаго образования жаждетъ большинство серьезно настроенныхъ молодыхъ людей, идущихъ въ университетъ.

Даетъ ли въ этомъ отношеніи что-нибудь новаго разсматриваемый проектъ? Нѣтъ, онъ разрушаетъ даже и то небольшое, что было здѣсь дано уставомъ 1884 г. и возвращаетъ насъ къ порядкамъ, негодность которыхъ давно признана и въ Западной Европѣ, и у насъ. Въ ст. 72 проекта читаемъ: „Факультетамъ съ утвержденія совѣта предоставляется установить группы предметовъ, зачеты и испытанія по которымъ обязательны для лицъ, желающихъ пріобрѣсти факультетское свидѣтельство, и опредѣлять условіе и порядокъ полученія послѣднихъ“; статья же 73 гласитъ: „Для полученія факультетскаго свидѣтельства по какой-либо группѣ предметовъ необходимо выдержать испытаніе по этой группѣ въ опредѣленной, устанавливаемой факультетами послѣдовательности“.

Сопоставленіе текста этихъ двухъ статей ясно показываетъ, что и въ отвѣтственномъ дѣлѣ преподаванія и испытаній профессора—законодатели передаютъ все на безконтрольное усмотрѣніе профессорскихъ коллегій. Очевидно, профессора очень вѣрятъ въ себя; но почему они думаютъ, что и страна раздѣляется съ ними эту вѣру?

Такимъ же образомъ избавляютъ себя профессора - законодатели отъ всякаго контроля и въ установленіи требованій, предъявляемыхъ лицамъ, подвергающимся испытанію на высшую ученую степень. Согласно

статьѣ 79 проекта каждому факультету каждаго университета предоставляется установить, изъ какой группы предметовъ должны подвергаться испытанію лица, ищущія степени доктора. Не удивительно послѣ этого, что согласно примѣчанію 2 къ той же статьѣ 79 опять-таки каждому факультету каждаго университета предоставляется приравнивать (!) по его усмотрѣнію докторовъ иностранныхъ университетовъ то къ кандидатамъ, то къ докторамъ россійскихъ университетовъ. Легко себѣ представить, какая плеяда докторовъ, „чуждыхъ намъ по полу, національности и вѣроисповѣданію“, украсила бы тотчасъ же россійскій ученый Олимпъ, если бы чудовищный проектъ сталъ закономъ!

Ничего нельзя, по нашему мнѣнію, возразить противъ возстановленія младшей ученой степени—кандидата, получаемой имѣющими факультетское свидѣтельство, „по защитѣ въ закрытомъ засѣданіи факультета, одобренной послѣднимъ, печатной работы (диссертациі) по одному изъ предметовъ соотвѣтствующей группы“ (ст. 76). Къ сожалѣнію однако, возстановляя степень кандидата, составители проекта вмѣсто двухъ высшихъ степеней устанавливаютъ одну. Въ этомъ послѣднемъ новшествѣ нѣтъ ничего кромѣ слѣпонаго подражанія въ данномъ отношеніи порядкамъ германскихъ университетовъ; но вѣдь въ Германіи такъ много ученыхъ силъ и такая трудоспособность, что тамъ никто не поспѣваетъ въ профессора, только потому, что онъ докторъ; у нашихъ же профессоровъ весьма не рѣдко кромѣ диссертаций не бываетъ никакихъ дѣйствительно ученыхъ работъ. Намъ кажется, что объ

этомъ слѣдовало бы подумать гг. профессорамъ, участникамъ совѣщанія.

III.

Въ связи съ только-что разсмотрѣннымъ пунктомъ стоитъ вопросъ о приватъ-доцентахъ съ одной стороны и о лицахъ, состоящихъ при учебно-вспомогательныхъ учрежденіяхъ—съ другой.

Что касается института приватъ-доцентовъ, настоящему развитію котораго далъ толчокъ уставъ 1884 г., то составители проекта не оказались милостивы къ этому институту. Этого, конечно, можно было ожидать и впередъ: во-первыхъ, какъ сказано, институтъ этотъ развился, главнымъ образомъ, благодаря уставу 1884 г., а вѣдь для профессорскаго блока нѣтъ ничего ненавистнѣе этого устава, упорядочившаго, какъ уже сказано, хоть сколько-нибудь нашу университетскую жизнь; во-вторыхъ, изъ предыдущаго выяснилось достаточно, что составители проекта прежде всего стремились къ тому, чтобы всюду, гдѣ это только возможно, сдѣлать профессорскую коллегію хозяйномъ положенія. Съ этой точки зрѣнія понятны всѣ тѣ преграды къ дальнѣйшему (несомнѣнно желательному) развитію института приватъ-доцентовъ, которыя выдвигаются проектомъ, а именно: по проекту приватъ-доцентомъ можно быть, только обладая степенью доктора и въ то же время не иначе, какъ съ согласія факультета, при чемъ приобрѣтеніе права быть приватъ-доцентомъ въ одномъ изъ университетовъ не распространяется на другіе; такъ что приватъ-доцентъ, переходящій въ другой уни-

верситетъ, подлежитъ вновь баллотировкѣ въ соответствующемъ факультетѣ этого университета.

Подобно тому, какъ приватъ-доценты, такъ и лица, состоящіе при учебно-вспомогательныхъ учрежденіяхъ (прозекторы, ассистенты, лаборанты и т. д.), ставятся проектомъ въ положеніе лицъ, подчиненныхъ не такъ государственной власти, какъ власти профессорской коллегіи, ибо согласно статьѣ 113 „подробныя условія и порядокъ замѣщенія должностей при учебно-вспомогательныхъ учрежденіяхъ, а также ближайшія служебныя обязанности лицъ, занимающихъ эти должности, устанавливаются факультетами по принадлежности и утверждаются совѣтомъ“. Дабы, однако, лица, состоящія при учебно-вспомогательныхъ, учрежденіяхъ не чувствовали себя слишкомъ утѣсненными профессорской коллегіей, за ними и приватъ-доцентами признается по проекту (ст. 114) право подавать въ совѣтъ и факультетъ единоличныя и коллективныя заявленія о своихъ нуждахъ и по дѣламъ своего преподаванія, при чемъ указывается, что названныя лица могутъ быть приглашаемы въ совѣтъ и факультетъ для обсужденія вопросовъ, возбуждаемыхъ въ названныхъ заявленіяхъ.

Несомнѣнно, было бы гораздо справедливѣе остаться при прежнемъ порядкѣ, при которомъ лица, состоящія при учебно-вспомогательныхъ учрежденіяхъ, утверждались въ своихъ должностяхъ органомъ государственной власти (попечителемъ округа) и знали, что между ними и профессорами стоитъ именно этотъ органъ, которому, конечно,

легче, чѣмъ самой профессорской коллегіи, разрѣшать безпристрастно конфликты, могущіе произойти между профессорами съ одной стороны, младшимъ преподавательскимъ персоналомъ—съ другой. Вѣдь только ослѣпленные крайнимъ властолюбіемъ профессора могли дойти до мысли, что государство согласится лицъ такъ же ему служащихъ, какъ служить ему и сами профессора, отдать въ полное распоряженіе этихъ послѣднихъ и успокоится на томъ, что разрѣшитъ искать защиты противъ утѣсненій со стороны профессоровъ у профессорской же коллегіи.

IV.

Послѣ всего сказаннаго, нѣтъ въ сущности никакого интереса хоть сколько-нибудь подробно разсматривать остальные части проекта; въ нихъ равнымъ образомъ проведено то же самое начало—совершенное освобожденіе университета отъ всякаго надзора со стороны мѣстной власти и подчиненіе университета непосредственно министру народнаго просвѣщенія при условіи наибольшей эмансипаціи профессорской коллегіи и въ этомъ отношеніи. Для лицъ, безпристрастно относящихся къ дѣлу, особенно поразительнымъ представляется слѣдующій, до нельзя простой пріемъ, усвоенный составителями проекта: тѣ функціи, которыя при прежнихъ уставахъ входили въ кругъ дѣлъ попечителя учебнаго округа, сплошь и рядомъ переносятся на совѣтъ университета. Легко себѣ представить, какую путаницу отношеній должно это вызывать.

Здѣсь будетъ очень кстати еще разъ напомнить, что въ Германіи, гдѣ и правительство, и общество очень серьезно смотрятъ на дѣло просвѣщенія, гдѣ университеты стоятъ очень высоко и профессорскій персоналъ блещетъ знаменитыми именами, законъ отнюдь не изгоняетъ правительственной власти изъ университета, а строго охраняетъ ее и въ то же время снимаетъ съ профессоровъ по возможности тяготу административныхъ и хозяйственныхъ работъ, памятуя, что профессора должны быть сколько возможно менѣе отвлекаемы отъ своего прямого дѣла—ученыхъ занятій и научнаго преподаванія. Вотъ что находимъ мы въ этомъ отношеніи, въ такъ называемомъ основномъ законѣ Страсбургскаго университета, данномъ при императорѣ Вильгельмѣ I въ апрѣлѣ 1872 г. (§ 3):

„Университетъ состоитъ подъ высшимъ руководствомъ и наблюденіемъ государственнаго канцлера. Для осуществленія непосредственнаго наблюденія за университетомъ и защиты его правъ, въ особенности же для руководства его хозяйственными и денежными дѣлами, назначается кураторъ, исполняющій обязанности по своей должности согласно инструкціи, данной ему государственнымъ канцлеромъ. Назначеніе куратора и приглашаемыхъ для замѣщенія кафедръ въ университетъ ординарныхъ профессоровъ оставляетъ мы за собою“ *).

---

*) Согласно изданному въ октябрѣ 1879 г. закону, соотвѣтствующія функціи государственнаго канцлера перепоручены намѣстнику Эльзась-Лотарингіи.

Такъ было опредѣлено отношеніе между государственной властью и тѣмъ университетомъ, который долженъ былъ составить гордость Германіи передъ только-что побѣжденной Франціей. На нашихъ профессоровъ-законодателей и этотъ примѣръ не оказалъ никакого воздѣйствія: они внесли въ свой проектъ ст. 2, которая проникнута совсѣмъ инымъ началомъ. Вотъ текстъ этой статьи: „Университеты суть автономныя учрежденія, управляемая профессорскою коллегіей на основаніи сего устава и организующія самостоятельно свою научную, учебную и административно-хозяйственную дѣятельность“. Приведенный текстъ ясно показываетъ, что составители проекта находятъ нормальнымъ, чтобы профессора тратили свое время и на „самостоятельную административно-хозяйственную дѣятельность. Неужели трудно понять, что при этомъ, и безъ того не блестящія своей научной дѣятельностью, университеты наши станутъ проявлять ее, въ случаѣ принятія проекта, еще въ меньшей степени? Всякій, кто дастъ себѣ трудъ прочесть главу вторую проекта (управленіе) и узнаетъ, какою массою избраній, какими мелкими дѣлами университетскаго хозяйства придется заниматься профессорскою коллегіей, не можетъ не задаться вопросомъ: когда же будутъ гг. профессора заниматься наукой и преподаваніемъ? При этомъ можно спросить также: во имя чего нужно такимъ образомъ отвлекать профессоровъ отъ ихъ прямыхъ обязанностей?

Казалось бы, наоборотъ, слѣдуетъ реформировать наши университеты именно въ томъ направленіи, чтобы освободить про-

фессоровъ еще больше, чѣмъ это сдѣлано нынѣ дѣйствующимъ уставомъ, (1884 г.) отъ административно-хозяйственныхъ заботъ. Что оставленные безъ контроля, со стороны мѣстной власти, профессорскія коллегіи поведутъ дѣло плохо, это уже достаточно показалъ короткій современный періодъ автономнаго управленія университетомъ, какъ объ этомъ было уже упомянуто выше. Очень полезно вспомнить здѣсь характеристику административныхъ способностей профессоровъ, даваемую тѣмъ же Паульсеномъ. Вотъ его слова: „При постоянной ситѣ академическихъ органовъ, при малой способности большинства ученыхъ къ дѣламъ управленія, университеты, какъ административныя учрежденія, стоятъ не слишкомъ высоко“.

Въ заключеніе нашей, довольно-таки затянувшейся статьи, позволимъ себѣ высказать слѣдующее.

Университеты наши необходимо должны быть реформированы. Реформа эта должна быть направлена къ тому: 1) чтобы профессора по возможности были меньше отвлекаемы отъ своихъ прямыхъ обязанностей—занятій научными изслѣдованіями и преподаваніемъ; 2) чтобы въ университеты допускались лишь лица, дѣйствительно должнымъ образомъ подготовленные; 3) чтобы правительственная власть неослабно наблюдала за тѣмъ, чтобы въ профессора университета попадали дѣйствительно достойныя этого высокаго званія лица и чтобы молодымъ людямъ, желающимъ серьезно заниматься, не могли въ томъ препятствовать съ каждымъ днемъ все въ большемъ

числѣ проникающіе въ наши университеты недоросли.

Съ самымъ горькимъ чувствомъ должны мы отмѣтить, что совѣщаніе университетскихъ профессоровъ подѣ предсѣдательствомъ бывшаго министра народнаго просвѣщенія выработало проектъ университетской реформы—не только не обѣщающій улучшения строя жизни нашихъ университетовъ въ указанномъ направленіи, а наоборотъ—грозящій еще дальнѣйшимъ ухудшеніемъ этого строя.

Говорять, что новые министры считают своимъ долгомъ доводить до конца дѣла, начатыя ихъ предшественниками. Будемъ же надѣяться, что и это правило допускаетъ исключенія.

А. Ельнинскій.